Оглавление

Капитолина Пазухина. Рецепция библейского сюжета в стихотворении Даниила Хармса «Вечерняя песнь к имянем моим существующей» 195

Александра Пахомова. Поэма К. К. Вагинова «<1925 год>» . . . 202

Татьяна Пастернак. Вяземская уездная больница или тень М. А. Булгакова в Вязьме 216

Ольга Сетько. Локальные тексты русской литературы: польский текст 227

Анастасия Фисун. Сюжет телесной близости в произведениях А. Платонова 1930-х годов 236

Александра Чабан. В. Брюсов в «Аполлоне» 245

Полина Чеснялис. Книга В. Нарбута «Плоть»: акмеистическое приятие мира и авангард 265

ISSN 2307-5945

2014. № 3

Летняя школа по русской литературе

ЛЕТНЯЯ ШКОЛА
ПО РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

2014 (3)

международная летняя школа
по русской литературе

Редакционный совет:

Проф. А. А. Кобринский (Санкт-Петербург, Россия), председатель
К. ф. н. А. Ю. Балакин (Санкт-Петербург, Россия)
Проф. И. Ю. Виницкий (Филадельфия, США)
Проф. А. А. Долинин (Мэдисон, США)
Проф. А. К. Жолковский (Лос-Анжелес, США)
Проф. О. А. Лекманов (Москва, Россия)
Проф. М. Ю. Люстров (Москва, Россия)
Г. В. Обатнин, PhD (Санкт-Петербург, Россия / Хельсинки, Финляндия)

Редакция:
А. Ю. Балакин, Е. А. Глуховская,
А. А. Кобринский (ответственный редактор),
О. В. Макаревич, А. А. Чабан

Адрес редакции:
191036, Санкт-Петербург, 1-я Советская ул., д. 10, лит. К.
Тел. (812) 449-52-50. E-mail: summerschool@list.ru
http://schoolsummer.jimdo.com

ISSN 2307-5945 = Letnââ škola

© Авторы статей, 2014
© Свое издательство, 2014

Информация об авторах

1. Капитолина Пазухина, студентка Волгоградского государственного социально-педагогического университета, Волгоград, Россия
kapitolina92@yandex.ru

2. Пахомова Александра, студентка Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия
pahomova@mail.ru

3. Татьяна Пастернак (Смоленск). Студентка Смоленского государственного университета
tat-pasternak@yandex.ru

4. Ольга Сетько, аспирант филологического факультета Белорусского государственного университета, Минск, Белоруссия
yozzka@mail.ru

5. Анастасия Фисун, студентка Кубанского государственного университета, Краснодар, Россия
asja.ruda@mail.ru

6. Александра Чабан, докторант Тартуского университета, Тарту, Эстония
miser_pretre@mail.ru

7. Полина Чеснялис, аспирант Новосибирского государственного педагогического университета, Новосибирск, Россия
chesnyalis@yandex.ru

Летняя школа по литературе. 2014. № 3. С. 227-235.

Ольга Сетько
(Минск)

ЛОКАЛЬНЫЕ ТЕКСТЫ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ: ПОЛЬСКИЙ ТЕКСТ

В статье рассматривается комплекс польских образов, мотивов, сюжетов, воплотивший собирательную модель польской реальности. Зафиксированные с момента появления летописных повествований, образы Польши и поляков к рубежу XIX — XX вв. сложились в Польский текст.

Ключевые слова: Польша, поляки, Польский текст, мотив.

The article explores complex of images of Poles, Polish motives and stories. Images of Poland and Poles, recorded in Chronicles, transformed to the Polish text in 20th century.

Key words: Poland, Poles, Polish text, motive.

Сегодня в литературе существует интерес к теме локальных, персональных и тематических текстов, особенно — «к литературному воплощению провинциальных городов» [9; 70]: на рубеже XX — XXI вв. появились парижский, виленский, московский, лондонский, пермский, крымский, тбилисский, венецианский, калининградский, коломенский, египетский и др. тексты.

Терминологическая картина при этом такова: Парижский текст определен как «гипертекст эпох и сознаний, генетически и исторически связанный с мировыми культурными комплексами. Реальная действительность Парижа (улицы, памятники искусств, исторические события, быт и т.д.), включаясь в художественный пласт Города, образует устойчивое ирреальное пространство знаков-символов, представляющих «“настоящее” бытие Парижа» [2; 73]. Виленский (он же Вильнюсский) текст представлен как «связанный с соответствующим локусом корпус изоморфных в формальном и содержательном отношении произведений» [7] и т.д.

Научные дискуссии привели к появлению в науке взгляда на локальный или любой другой текст как «следствие исторической и культурной деятельности человека» [1; 35]. Ю. М. Лотман

ввел и методологически оформил понятие «Петербургский текст», в котором Петербург понимался как «с одной стороны, <…> текст, а с другой, как механизм порождения текстов» [8; 3]. Благодаря Ю. М. Лотману, появляется понятие «текстового кода» (зашифрованности), который преподносится ученым как один из основных признаков текста. В. Н. Топоров соединил компоненты определенного топоса в единый образ и предложил в качестве варианта назвать его «сверхтекстом» — «синтетическим текстом, с которым связываются высшие смыслы и цели» [12; 275]. Согласно идее Топорова, единство текста поддерживается общностью языка, т.н. «локального» словаря. В поле притяжения городского текста оказываются мифы и предания, пророчества, философские, социальные, религиозные идеи, фигуры петербургского периода русской истории, литературные персонажи, спиритуализация и т.д.

Для текста характерен, согласно теории В. Топорова, ряд признаков:

— узнаваемость топоса / локуса: наличие в тексте удобочитаемого интерпретационного кода, доступного пониманию аудитории.

— наличие сотериологического / креационистского / эсхатологического / мессианского мифа, обосновывающего исключительность явления, о котором идет речь в данном тексте. Иначе говоря, в тексте должна присутствовать «презумпция исключительности», делающая явление или топос особым, единственным, непохожим на остальные [12; 267]. Мифологизированность топоса может выступать как один из аспектов данного признака, усиливая узнаваемость и семантическую плотность текста.

— со-поставление и противо-поставление данного явления или топоса какому-либо иному. Например, Петербург противопоставлен Москве, что во многом отражает не только «инаковость», но и особый «провиденциализм» двух столиц, каждая из которых развивалась по своему пути [12; 274],

— максимальное единство описаний исследуемого явления, обеспечивающее семантическую связность общего текста. Т.е. наличие «локального» словаря.

Художественное произведение — это, прежде всего, определенная модель мира, которая существует как пересечение авторского текста и читательского восприятия. Для такого контакта необходим общий художественный язык и единый интерпретационный код: при формировании текста важна не только автор-

ская точка зрения, но и предполагаемая читательская интерпретация, зависящая от узнаваемости описанного. Узнавание происходит благодаря типизации и стереотипизации образов и явлений.

Уже в летописных повествованиях русской литературы встречаются собирательные образы Польши и поляков. В «Повести временных лет» возникает оппозиция «свой/чужой»: поляки — это не-православные, чужие, враги. Польские правители представлены летописцами в сатирическом ракурсе: например, король Болеслав I Храбрый «на кони не могы седети», так как мешает «черево толъстое». В 1074 г., согласно летописи, монахов Киево-Печерского монастыря искушает некто «въ образе ляха» [13; 23].

В «Житии Моисея Угрина» (XIII в.) речь идет о событиях XI в.: Моисея Угрина берут в плен войска Болеслава, «в ляшской земле увидала его одна женщина, благородная, красивая и молодая, имевшая большое богатство и великую власть <…> Эта женщина, заметив красоту преподобного, возгорелась к нему плотской похотью и начала обольщать его» [5]. Коварством и уговорами она пытается соблазнить героя, но он непреклонен. В отместку прекрасная полька, придя в ярость, «приказала давать ему ежедневно по сто ран; напоследок она приказала оскопить его» [5]. Возжелав недостижимого, польская красавица истязает любимого ею человека и при этом невольно провоцирует собственную гибель (Болеслав, по просьбе героини, изгоняет монахов из своих земель, однако после его скоропостижной смерти «поднялся великий мятеж во всей ляшской земле» [5], женщина убита). Это первое появление в литературном памятнике роковой красавицы-польки, чья любовь губит героя либо приносит ему беду.

Польский текст формируется в русской литературе к XIX в., когда окончательно складывается традиция изображения польских земель и польских характеров. Всплеск интереса русских писателей к польской теме в XIX в. во многом обусловлен обострением польско-русских отношений (польские восстания 1830 и 1863 гг. с одной стороны — и имперская политика русификации с другой, одинаково резонансно воспринятые русским литературным кругом).

Эксплицированная в литературном произведении, польская действительность обретает черты текста — географический локус по структуре приближается к художественному тексту. Польский текст можно определить как особый комплекс обра-

зов, мотивов, сюжетов и т.п., с помощью которого автор интерпретирует свое видение польской истории и культуры как специфического феномена. Содержание Польского текста составляют культуронимы, топонимы, детали истории, культуры, быта и т.д.— любые факты, связанные с Польшей. Объединенные, согласно Ю. Лотману, тематическим единством, произведения разных авторов интерпретируют события польско-русской истории, синтезируя при этом Польский текст русской литературы. При этом земли Руси-России, Литвы и Польского королевства, Великого княжества Литовского, в разные эпохи относившиеся к разным государствам, преподносятся как единое культурно-историческое пространство. Так, по мнению исследователей, «литературные литвины и литовцы идентичны», но в письмах и мемуарах XIX в. литвины — это «славяне — выходцы из земель бывшего Великого княжества Литовского, такие, как Сенковский, Булгарин или Мицкевич», литвинами же их именовали для отличия их от «поляков — уроженцев коронной Польши» [6; 389]. Литвины по происхождению, Ю. Олеша и Ф. М. Достоевский называли себя поляками, а спор о национальной принадлежности А. Мицкевича не решен до сих пор.

Одной из основных составляющих Польского текста является миф. В русской литературе XIX в. существовал т.н. «мессианский миф», отраженный в поэме А. Мицкевича «Дзяды»: Польша условно приносила себя в жертву во имя искупления грехов всех народов, избавляя мир от тирании. Особое место в культуре и истории Польши занимает аллегорический «Сарматский миф», который в XV—XVIII вв. предопределяет ментальные особенности поляков. В художественной литературе этот миф был реализован в книгах Г. Сенкевича («Огнем и Мечом», 1884 г. и др.), В. Потоцкого, Я. К. Пасека, А. Збылитовского и др.

В XIX в. русская литература часто выполняет роль идеологического орудия, что приводит к упрощению и нивелированию историко-культурных фактов в произведениях. Так, польский мотивно-тематический комплекс, представленный в стихотворениях А. С. Пушкина «Графу Олизару», «Клеветникам России», «Бородинская годовщина» и др., иллюстрирует пушкинскую приверженность имперской идее. Несмотря на неоднозначную оценку пушкинской позиции в польском вопросе, предположим, что, признавая в поляках не врага, а братский народ, с которым можно по-братски решить политический конфликт, поэт выступает защитником интересов Российского государства:

… это спор славян между собою
Домашний, старый спор, уж взвешенный судьбою,
Вопрос, которого не разрешите вы.
<…>
Оставьте нас… [11; 499].

В качестве примера формирования негативного образа поляка в русской поэзии можно привести также стихотворение А. С. Пушкина «Графу Олизару» 1824 г.:

И наша дева молодая,
Привлекши сердце поляка,
Отвергнет, гордостью пылая,
Любовь народного врага [10; 494].

Значимым в контексте польской темы является рассказ В. Даля «Подолянка»: писатель отступает от схематической традиции изображения поляков коварными соседями, обусловленной официальной идеологией.

Внимание В. Даля привлекает исторически «спорное» Подолье, которое в XIX в. было средоточием разных культур: здесь столетиями относительно мирно соседствовали евреи, поляки, малороссы, русские, цыгане и др. народности, что обусловило культурную пестроту региона.

Поляки в рассказе Даля чистосердечны, благородны, мужественны и красивы. Они предстают не врагами, а жертвами военного времени: разрушен привычный мир и покой. Поворотной для автора-повествователя становится встреча с семьей Ванды: выясняется симпатия Даля к полякам, сочувствие им. Ванда и ее семья — поляки, в этом секрет их «непохожести» на остальные семьи бедного района Каменца, они выделяются аккуратностью, изяществом при всей скромности, ухоженностью. Имя Ванда означает «милость Божья», рассказчик видит ее так: «Старшая дочь разливала вокруг себя голубыми очами своими утешение, мир и спокойствие…» [3; 68]. Ванда поддерживает общую гармонию семьи. Отец Ванды отказывается от важного для него разговора «потому, что сердце его сжималось при однихъ только воспоминаниях, так и потому, что перед ним стоял Русский, который мог бы принять сердечные слова Поляка за льстивые напевы, вынужденные обстоятельствами; а одна мысль об этом отымала у старика язык» [3; 71–72]. Брат Ванды — причина горя в семье — «даровитый, хорошо образованный, многообещавший юноша, надежда отца и кумир сестры и матери, ушел черезъ Галицию в Замосц, наделъ синий Полуплащик съ висячим во-

ротником и серебряной цифровкой, и готовится идти с дружиною Дверницкаго на Волынь и Подол» [3; 72]. Еще один ключевой герой, возлюбленный Ванды, характеризован Далем как «мужественный и удалой» человек [3; 73–74].

С именем главной героини связана легенда о краковской княжне Ванде: стремясь избежать нежеланного замужества с немецким принцем и отвести угрозу войны от своего народа, она утопилась в Висле. Жертва во имя мира между народами превратилась в анти-жертву: княжна погибла с верой в то, что город избегнет войны, однако спустя несколько столетий мир был нарушен — «миротворческая» легенда перестает быть оберегом Кракова. Вторая Ванда, Подолянка, так же бесследно исчезает, чтобы найти возлюбленного, т.е.— также во имя мира. Миф о Ванде — один из ряда подобных в истории города: неведомый черный рыцарь спасает Краков от татар, Кракус убивает змея-людоеда и т.д. Миф о сотворении города, записанный рассказчиком Далем в Кракове, относится к ряду креационистских мифов, отмеченных В. Н. Топоровым как фундамент городского текста.

В. Даль частично использует закрепленный в русской литературе канон: словно подчеркивая свое превосходство перед победителями — русскими войсками, занявшими город, поляки «были грубы, дерзки, кричали и козыряли», затем они уходят из города «толпами», и уже с другого берега, «собираясь покинуть отчизну свою навсегда, они прощались с нею взорами, с любопытством поглядывая на то, что делалось в Кракове» [3; 88]. Эти черты дополняют уже существующий к тому времени синтезированный образ поляка, сложенный гоголевскими храбрыми поляками («Тарас Бульба»), поляками из мемуаров Н. Греча (подлыми, не достойными свободы и уважения), храбрыми и благородными поляками из романа «Юрий Милославский, или Русские в 1612 году» М. Загоскина и др.

Таким образом, Даль впервые в русской литературе фиксирует мифологический компонент польской истории, благодаря чему в Польском тексте появляется мифологическая основа. Кроме того, впервые в литературе поляки представлены не «чужими», не врагами, а симпатичными автору, благородными, храбрыми воинами, вынужденными отступить, но готовыми сражаться, а также (отец Ванды) желающими мира и покоя.

После событий 1830, а затем 1863 гг. многие поляки были осуждены и находились в тюрьмах, острогах, на каторгах. Повесть «Записки из Мертвого дома» стала первым произведением в рус-

ской литературе, так ярко и масштабно поднимающим польскую тему в контексте тюремной, и первым, описавшим русскую пенитенциарную систему своего времени.

Общество поляков в «Записках из Мертвого дома» пестро и разнообразно: революционеры-дворяне и простой маляр, образованные и необразованные, конвоир, унтер-офицер. Вопреки сложившемуся мнению о предвзятом отношении Достоевского к полякам, текст «Записок...» рисует иную картину: в повести нет героев, наделенных исключительно отрицательными характеристиками. Герои польского происхождения, как и герои русские, в повести амбивалентны. Необразованный Б-м, произведший «прескверное впечатление» [4; 268], оказался единственным человеком, сумевшим смягчить своим талантом отношение майора к заключенным. М-цкий — недоверчивый, озлобленный, закрытый человек, но при этом сильная и благородная натура. Неоднозначность его характера подчеркивается тем, что именно он, говоря об остальных каторжанах, повторяет: «Я ненавижу этих разбойников!» [4; 252] Т-вский — необразованный, но добрый, мужественный и славный человек. Б-ский — дворянин, слабосильный, тщедушный человек, испорченный и раздраженный чахоткой — но прекрасно образован, благороден, великодушен.

Образы поляков уравновешены: дурные черты гармонизированы хорошими, а сразу за описанием характеров поляков дается общая характеристика: «Впрочем, все они были больные нравственно, желчные, раздражительные, недоверчивые. Это понятно: им было очень тяжело, гораздо тяжелее, чем нам. Были они далеко от своей родины...» [4; 252].

Таким образом, в русской литературе закрепляется определенный канон в изображении поляков:

1. Поляки горды и надменны;
2. Поляки оторваны от народа, от идеи о народе;
3. Поляки противопоставляют себя простым каторжанам, поскольку те — простые разбойники, убийцы, воры, а поляки — дворяне, к тому же политические заключенные;
4. Поляки не раскаялись в своих грехах перед государством Российским, за которые они были сосланы; наоборот, они словно гордятся грехами. В противопоставление им Достоевский подчеркивает, что многие из русских каторжан, осужденных за убийства или разбой, каялись.

Достоевский отмечает как национальные такие качества польского характера: самолюбие, гордыня, подчеркнутый, спекулятивный патриотизм, подчеркнутое же чувство собственного достоинства и т.д. Так в первый же день в остроге Ж-ского назвали разбойником, хотя он гордился, что он — политический ссыльный. Поляк готов вынести унизительное наказание, чтобы подчеркнуть свою «инаковость» по отношению к рецидивистам. Подчеркивая обособленность поляков, Достоевский отмечает: «С черкесами, с татарами, с Исаем Фомичом они были ласковы и приветливы, но с отвращением избегали остальных каторжных» [4; 259].

В сложившийся стереотип образа поляка Достоевский привносит новые характеристики. Кроме смелости и коварства, ума и образованности, тонкости и изящества манер, имманентного противопоставления себя окружающим и др., появились: психологическая глубина, амбивалентность, трагическая гордыня, неприспособленность к реалиям сибирской тюремной действительности (в отличие от русского человека, который если не смиряется, то хотя бы частично свыкается, как герои «Записок из Мертвого дома»). В повести предельно заострена такая черта польского характера, как «инаковость».

Не касаясь напрямую семейных польско-литвинско-русских отношений, Достоевский наделяет одного из своих главных героев стремлением наладить контакт с польскими заключенными, осмыслить (и отчасти оправдать) их поведение, что может указывать и на попытку самого писателя найти точки соприкосновения с польской действительностью.

Таким образом, интерпретация польской темы в произведениях русской литературы XIX в. обусловлена имперской идеологией. Новые тенденции, дополняющие и развивающие традиции изображения Польши и поляков, появляются в произведениях В. Даля, Ф. М. Достоевского, а также не упомянутых в статье, но, безусловно, важных для раскрытия темы В. Крестовского, Н. Гоголя, Н. Лескова, Л. Н. Толстого и др. Доминирующими признаками и мотивами, образующими семиосферу Польского текста, становятся изображение польской действительности как иной реальности (в сравнении с российской), интерпретация событий польско-русской истории как амбивалентных, трагических для народов обоих государств.

Вопрос бытования в русской культуре (в литературе, в частности) Польского текста остается дискуссионным, однако иссле-

дования в этом направлении «обновляет» художественный потенциал литературы и открывает перспективы для нового «прочтения» художественных, публицистических, мемуарных и др. произведений.

Список литературы и источников

1. *Абашев В.* Пермь как текст. Пермь в русской культуре и литературе XX века. Пермь, 2008.
2. *Белова Н.* «Парижский текст» в русской литературе первой половины XIX века. (К постановке проблемы) // Вестник Югорского государственного университета. 2011. Вып. 1 (20). С. 71–77.
3. *Даль В.* Подолянка // Современник: литературный и политический журнал. СПб., 1839. Т. 5. Вып. 13. С. 59–96.
4. *Достоевский Ф.* Повести и рассказы: В 2-х т. М., 1979. Т. 2.
5. Житие преподобного отца нашего Моисея Угрина // http://theme.orthodoxy.ru/saints/moisey_ugrin.html (дата обращения: 10.06.2013).
6. *Лавринец П.* Литовцы в русской литературе XIX — начала XX веков // http://www.ruthenia.ru/Stud_Russica_XII/Lavrinec.pdf (дата обращения 11. 01.2013).
7. *Лавринец П.* Мицкевич alias Ленин: к семантике персонажа виленского текста. Respectus Philologicus. 2004. №. 5 (10). С. 64–76 // http://lavrinec.jimdo.com/%D0%BF%D1%83%D0%B1%D0%BB%D0%B8%D0%BA%D0%B0%D1%86%D0%B8%D0%B8/publikacijos2004/ (дата обращения 17. 01. 2013).
8. *Лотман Ю.* От редакции // Труды по знаковым системам. Тарту, 1984. Вып.18. С. 3.
9. *Меднис Н.* Сверхтексты в русской литературе. Новосибирск, 2003.
10. *Пушкин А.* Соч.: В 10 т. М., 1959. Т. 2. Стихотворения 1823–1836.
11. *Пушкин А.* Соч.: В 3-х т. Минск, 1986. Т. 1. Стихотворения; Сказки; Руслан и Людмила: Поэма.
12. *Топоров В.* Петербург и «Петербургский текст русской литературы» (введение в тему) // Топоров В. Миф. Ритуал. Символ. Образ. Исследования в области мифопоэтического. М., 1995. С. 259–367.
13. *Хорев В.* Польша и поляки глазами русских литераторов: Имагологические очерки. М., 2005.